

НАТАЛЬЯ ШНЕЙДЕР

ХОЗЯЙКА
ПРЯНИЧНОЙ ЛАВКИ
4

Наталья Шнейдер

Хозяйка пряничной лавки 4

«Автор»

2026

Шнейдер Н.

Хозяйка пряничной лавки 4 / Н. Шнейдер — «Автор», 2026

Новый год начался прекрасно. Бывший муж наконец стал окончательно бывшим, столичный ревизор съехал, а я впервые за долгое время могу распоряжаться собственным домом и собственной жизнью. Осталось совсем немного: открыть пряничную лавку. Найти недостающие деньги, справиться с купеческими законами и убедить приличных дам, что выпить чашечку кофе с пирожным без мужского сопровождения — вовсе не преступление против нравственности. К счастью, у меня появились две весьма необычные знакомые, которые, кажется, понимают меня с полуслова. А вот с ревизором всё сложнее.

© Шнейдер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Наталья Шнейдер

Хозяйка пряничной лавки 4

Глава 1

Проснулась я сама. Даже Луша не стрекотала над ухом, мол, вставай, пора командовать. Даже в доме было тихо, как будто все отсыпались после праздника, как и делают обычно нормальные люди. Я потянулась — со вкусом, до хруста, открыла глаза и поняла, что выпалась.

Впервые, кажется, за все время со своего появления в этом мире.

Солнечное пятно от окна уползло по полу почти до самого комода. Значит, давно перевалило за полдень. Стекла затянуло морозными перьями, и свет сквозь них шел белый, ровный, будто его процедили через марлю. Я забыла закрыть ставни, вернувшись под утро. Хотя, вроде бы, такой урок должна была выучить.

Из муфты на стуле свешивался рыжевато-серый хвост и мерно подрагивал. Хоть кому-то в этом доме не нужно чувствовать себя виноватым за то, что проспал, и за то, что не сделал чего-то, что нужно было сделать.

Я потянулась еще раз, полежала еще немного, глядя в потолок. Не нужно никуда торопиться. Совсем. Присутствия закрыты до окончания праздников, торговля стоит, маклеры, приставы и купеческие старосты отсыпаются вместе со всем городом. Никто не принесет записочку «ежели вас не затруднит», никто не потребует явиться безотлагательно.

В прошлой жизни такое утро называлось первое января. Салаты в холодильнике, за стенкой бормочет соседский телевизор, и до вечера можно не вылезать из халата.

Халат, правда, сгорел.

Я влезла в домашнее платье, умылась, переплела волосы и потащилась на кухню.

Тетка сидела за столом одна, с чашкой, и новая шаль лежала у нее на плечах, хотя от печи шло такое тепло, что впору было в одной рубашке ходить. Тетка прихлебывала чай из блюдца и то и дело трогала бахрому, будто проверяя, на месте ли.

— Проснулась, полуночица, — сказала она. — Садись. Девочек я не будила, пускай спят. Праздник.

— А ты?

— А мне, старой, много не надо. — Она потянулась к самовару и налила мне чай. — Петр Алексеич уехал.

Я как раз собиралась положить себе сахар. Рука не дрогнула, щипчики ухватили кусок.

— Когда?

— Затемно еще. Почитай, и не ложился вовсе. Как вы из гостей вернулись, стал вещи собирать, а там и извозчик подъехал. Где только он его нашел, в такое-то время.

Для этого человека и извозчик найдется, и станционные смотрители проснутся. Я отпила чая. Заварка перестояла — горчила.

Тетка налила чай в блюдце. С этим блюдцем на руке, в шали она напоминала постаревшую и осунувшуюся кустодиевскую купчиху.

— Велел тебя не будить.

Заболтушка прямо.

— Так и сказал — пусть Дарья Захаровна отдохнет вдоволь, а то все не покладая рук хлопочет.

Я кинула в чашку еще кусочек сахара. Ну, уехал. Знала же, что уедет: он сам говорил, после Солнцеворота в столицу, а оттуда в Белокамень. И я сама хотела, чтобы съехал, еще с

того дня, как тетка без спросу сдала ему полдома. Вот и съехал. Все по плану, все, как я хотела. Можно радоваться.

Я снова отпила чая и скривилась. Теперь он стал таким приторным, что кишки вот-вот слипнутся.

Мог бы и попрощаться, как нормальные люди.

«Я не отступлюсь».

Выходит, попрощался. В своей неподражаемой манере.

— Дашка, чай остынет.

— Задумалась.

— Ну-ну. Ну хоть столовую теперь назад заберем, — сказала тетка, прихлебывая из блюдца. — И гостиную. А то срам один: в собственном доме гостей принять негде, то княгиню на кухне чай пить заставляешь, то вовсе в лавке. Теперь весь дом твой, Дашка. От подвала до чердака. Ни под кого подлаживаться не надо.

Я обвела взглядом кухню. Печь, полки с горшками, связки лука под потолком. Все то же самое, что вчера. Только теперь за стенкой никого. Девчонкам не надо к половине седьмого тащить на ту половину самовар. Никто не будет говорить, что у Дарьи Кошкиной в доме неженатый мужчина живет, явно не просто так. Если явится какая-нибудь купчиха с заказом, я усажу ее в гостиной, как приличная хозяйка, а не в лавке за ширмой.

Вроде бы радоваться надо.

— Одно жалко, — вздохнула тетка, — денежки за постой кончились.

— Пряники кормят. И дальше кормить будут.

— Пряники, — проворчала она. — Ты сперва бумагу гильдейскую выправь, тогда и кормить будут.

Про бумагу сегодня думать не хотелось. Про бумагу я подумаю завтра, когда откроются присутствия.

По коридору прошлепали босые пятки, потом еще одни, и в кухню просунулась заспанная Нюркина физиономия. Из-за ее плеча выглянула Парашка с отпечатком подушки на щеке.

— Ой, барыня, — Нюрка сразу подобралась, — а мы-то разоспались! Сейчас печь...

— Печь топлена, — отрезала тетка.

— Тогда воды натаскать...

— Сегодня праздник, — сказала я. — Воду натаскаем в свое время. Садитесь чай пить.

Чаи гоняли долго, сперва с холодным со вчерашнего стола, потом с тортом. Новый год оставался Новым годом, даже если здесь он назывался по-другому. Сперва наготовить на роту. Потом старательно есть, «чтобы не пропало». Вроде и глупо. А вроде и есть в этом что-то успокаивающее, что ли. Неизменное.

Когда, наконец, мы отвалились от стола с булькающими животами, я взяла корзинку с вязанием и устроилась у окна своей спальни. Стекольщик постарался на славу, замазывая щели, от самих стекол хоть и тянуло холодом, но не дуло. Луша вылезла из муфты, взобралась ко мне на колени. Обнюхала клубок, решила, что гнезда из него не получится, и попыталась забраться в варежку.

Интересно, как быстро выстынет та половина? Четыре комнаты, для четырех женщин и белки целые хоромы, топить их недешево.

Я сбилась со счета и начала распускать по одной петле, сразу же возвращая их на спицу.

Но принимать княгиню на кухне действительно больше не придется.

Я снова сбилась. Ничего не делать оказалось на редкость утомительным занятием. В прошлой жизни у меня это получалось куда лучше.

Я осторожно вернула Лушу вместе с варежкой в корзинку и вышла из спальни.

— Ты куда? — Тетка высунула нос из своей комнаты.

— Гляну, что там на той половине. Проветрить, может, надо.

— Сегодня праздник. Работать грех. Да и постоялец только съехал, нечего за ним замы-
вать. Завтра.

— Завтра так завтра, — согласилась я.

Тем более что сегодня работать действительно было лень. Хотя, наверное, пол стоило бы вымыть. Чтобы точно вернулся не сюда, а в свой новый дом, экспроприированный им у Ветрова.

— Дашка! — Тетка погрозила пальцем. — Даже не думай.

— Не буду. Лень.

Тетка удовлетворенно скрылась у себя. Я постояла в коридоре. Возвращаться к варенье не хотелось совершенно, а больше идти было некуда. Разве что вниз.

В лавке было сумрачно: ставни с вечера так и остались закрытыми, и свет пробивался только сквозь щели, ложась на плитку узкими полосками. Надо было выйти на улицу, раскрыть ставни, но одеваться тоже было лень. Полоса света падала на елку в углу, а чайный уголок прятался в тених. Впрочем, белки на полотне ширмы все равно четко выделялись, и казалось, будто они глядят на меня с вежливым любопытством: когда откроешься? Скоро ли гостей ждать?

Не сегодня. И едва ли завтра. Да и вообще в лавку теперь водить гостей незачем: на то есть гостиная.

Я коснулась столешницы. Веревоочная скатерть показалась теплой. Совсем недавно за этим столом напротив меня сидел Громов и напутствовал, как вести себя на заседании конси-
стории. А я так и не поблагодарила его — если бы не он, точно бы наговорила лишнего на том суде, и неизвестно, как бы все обернулось.

Наверное, надо было разобрать всю мою мебельную самодеятельность, но стало жалко. Прямо по-детски жалко, все равно что снимать накинутое на спинки двух стульев покрывало, которое должно было изображать шалаш... ровно до того времени, как в спальню войдет нянечка и прикажет навести порядок. Да и чудо разрушать не хотелось: благословение, о кото-
ром, оказывается, не так много здесь и знают, постаралось на славу, превратив кустарщину в стиль.

Я прошлась по залу — глаза уже привыкли, и стало видно все. Одна половина лавки свободная, почти пустая. На второй — елка, ширма, столик. Уютно. Или это мне в полутьме так кажется?

Почему-то вспомнилась та кофейня, где пережженный кофе стоил как копи-лувак. И где, стоило мне появиться на пороге, на меня вытаращились так, будто я ввалилась в мужской туалет.

Между прочим, не только мужчины любят кофе. С пряниками, а не с несчастной «хлеб-
ной конфектой». Или даже с пирожными, если пойдет.

Я вздохнула. Мне бы сперва свидетельство получить и открыть нормальную лавку, чтобы не торговать из-под полы. Какие уж тут пирожные...

С улицы донесся мягкий перезвон бубенцов и стук копыт. Лошади остановились у крыльца. Пришлось высунуть нос из-за приоткрытой двери лавки — мороз тут же цапнул за щеки.

На соседнем крыльце стояли Анастасия Павловна и Глафира Андреевна. Обе в шубках, обе румяные, свежие, будто не они полночи колядовали, доктором и гадалкой, а потом еще пили чай до рассвета. У саней топтался кучер, похлопывая рукавицами.

А я в домашнем платье и хорошо хоть умытая с утра. Хозяйка, нечего сказать.

Глафира Андреевна заметила меня первой.

— Дарья Захаровна! — окликнула она. — Мы вас разбудили?

— Нет-нет, — заверила их я. — Сюда, пожалуйста, я сейчас открою ставни.

— Ну куда вы в домашних туфлях в сугробы, — покачала головой княгиня. — Дайте ключи, Герасим откроет и вернет их вам.

— Спасибо, — смутилась я.

Она кивнула кучеру, тот соскочил с козел. Дамы перешли на крыльцо лавки, затопали, стряхивая снег с ботинок. Извинившись, я сунулась в дверь за прилавком, кликнуть девчонок, чтобы принесли самовар.

Когда я вернулась в зал, одно окно уже было открыто. Гости с любопытством оглядывались. Свет хлынул в лавку, заиграла позолота на потолке, засиял лаком прилавок, а белки на ширме, кажется, даже приосанились.

— Простите, что встречаю вас в домашнем, — сказала я. — Чай сейчас подадут.

— Да мы и сами не в бальном, — улыбнулась княгиня. — У вас тут очень мило.

Я смутилась, подавила желание объяснить, что на самом деле все это собрано на коленке, и... Даже если гости говорят комплименты просто из вежливости, вовсе незачем убеждать их, что они ошиблись с комплиментом.

Я взяла у них шубки, пристроила на ширму. Пригласила сесть. Анастасия Павловна, вроде бы между делом, подвинула Глафире Андреевне табуретку, ту, что поустойчивей, и села только после того, как графиня устроилась. Глафира Андреевна закатила глаза, но спорить не стала.

Девчонки принесли самовар и корзинку с пряниками. Я шепотом велела принести еще и торт. Разлила чай. Графиня погладила пеньковую бахромку скатерки, будто кошку, а княгиня обвела взглядом ширму с соснами, белок, елку в углу. Задержалась на столике, на цыбике, оплетенном камышом.

— Очень мило, — повторила княгиня. — И необычно.

— Это вы сами придумали? — спросила Глафира Андреевна. — Ширму, столик?

— Сама. От безвыходности. — Я пододвинула к ней корзинку с пряниками. — Наверху жил постоялец, гостиная была у него. А мне теперь нужно не только отдавать, но и принимать визиты, не на кухню же гостей вести.

Про кухню и княгиню я благоразумно умолчала. Анастасия Павловна, судя по едва дрогнувшим уголкам губ, и сама все прекрасно помнила.

— А теперь постоялец съехал, — продолжала я. — Гостиная свободна, и выходит, что все это вроде как ни к чему.

Глафира Андреевна снова коснулась бахромы.

— Жалко такую красоту на чердак прятать.

— Жалко, — согласилась я.

Парашка поставила на столик торт. Я отрезала гостям по кусочку.

— А себе, Дарья Захаровна? — спросила Анастасия Павловна.

— Я его второй день ем, — хихикнула я. — Наготовила как на убой.

— А я только намеревалась предложить вам прислать немного лишних салатиков, — улыбнулась княгиня. — Жан тоже расстарался, даже с помощью гостей не справимся.

— Да и наш повар увлекся, — поддакнула Глафира Андреевна.

Торт, впрочем, обе придвинули к себе без колебаний. Княгиня отломилась ложечкой кусочек, попробовала и прикрыла глаза. Глафира Андреевна тоже взялась за ложку.

— Теперь я понимаю, почему Елизавета Дмитриевна вчера посочувствовала Жану, — сказала она.

Они замолчали, смакуя торт. Только переглядывались время от времени. Как будто меня обсуждали.

Нечего придумывать невесть что на ровном месте. Если бы обеих во мне что-то раздражало, не пригласили бы меня на Новый год — не настолько я важная особа, чтобы без меня не обойтись. И с утра бы не приехали. А если обеим от меня что-то нужно — спросят рано или поздно.

Тем более что мне тоже хотелось их кое о чем расспросить. Только прилично ли это будет?

Поколебавшись, я все же решилась.

— Незадолго до праздника я заглянула в кондитерскую. Ту, что недалеко от вашего дома, Анастасия Павловна.

— Можете не пояснять, она единственная в городе, — кивнула княгиня. — Однако вы смелы. Дамы обычно не посещают такие заведения.

— Я поняла это, уже когда зашла. Внутри не было ни одной женщины. Ни одной. А мужчины смотрели на меня... довольно странно. — Я подлила обеим еще чая. — Вы сказали, дамы не ходят в подобные места. Но почему? Разве дамы не пьют кофе? Это же не водка.

Они снова коротко переглянулись. Я смутилась.

— Наверное, я задаю глупые вопросы. Но меня воспитывали в купеческой семье, а не в дворянской. И я не понимаю. Разве кофе с печеньем... в смысле, с хлебной конфеткой — это что-то неприличное?

— В самом по себе кофе нет ничего неприличного, — начала объяснять Анастасия Павловна. — Дело в обществе. Общие залы: рестораны, трактиры, чайные, кофейни — все это мужское пространство. Там курят трубки, читают газеты, говорят о политике, которую дамы не способны понять...

Глафира Андреевна улыбнулась, а я вспомнила анекдот о двух блондинках, квантовой физике и смене темы беседы на моды при появлении в вагоне метро парня.

— ...или о вещах, о которых говорить при дамах вовсе не следует, — продолжала княгиня. — В трактир дама не зайдет ни при каких обстоятельствах. В ресторан может приехать с мужем, в отдельный кабинет. В кофейне тоже может посидеть с мужем, пока ему не станет скучно.

— А ему неминуемо станет скучно, если нельзя говорить о по-настоящему интересных вещах, — хмыкнула я.

— Зависит от мужа, жены и того, что между ними, — заметила Глафира Андреевна. — Но ведь эта дама своим присутствием стесняет и собравшееся общество. А если она зайдет одна — даст повод для сплетен. Что она там делает одна среди мужчин? Те могут и нарочно заговорить о чем-то не слишком... подобающем, чтобы ее смутить.

Смутить меня способен только один человек, и его в той кофейне не было. Но все же интересно, то мое короткое посещение дало повод для сплетен? И ведь не спросишь, на такой вопрос не всякая подруга-то честно ответит, а мы с этими дамами можем называться разве что приятельницами.

— И все-таки мне кажется несправедливым, что женщина не может зайти и выпить кофе с пирожным. Привести детей полакомиться. Да просто посидеть и выдохнуть между заботами. — Я помолчала, размышляя. — А если сделать место, где не будет мужчин?

— Тогда скажут, что в этом месте явно творится что-то нехорошее, раз туда не может прийти муж проконтролировать жену.

— Разве мужья ездят с женами к модисткам? Или, скажем, белошвейкам?

— Мужья ездят к модисткам и белошвейкам, правда, не с женами, — усмехнулась Глафира Андреевна. — Разумеется, не все, но случается.

— Я не то имела в виду. Просто организовать кондитерскую для дам. Небольшие столики, за которыми мужчине будет неудобно сидеть потому что не поместятся коленки. Журналы мод, альбомы с вышивками и узорами для вязания вместо газет. Запрет курения. Мужчина может зайти, гнать его никто не будет. Но представляете, сидит он, коленки упираются в столешницу, один...

— В малиннике, — хихикнула княгиня.

— Может, и в малиннике, но дамы щебечут о шелках, дети — о пряниках, и все косятся на него так, будто он шляпу в помещении не снял. Подают тоже женщины. Закрывается все в приличное время, в детское, я бы сказала.

— Приличным место делает публика, а не правила, — задумчиво произнесла Анастасия Павловна. — Если вы заручитесь поддержкой уважаемых в городе дам, вроде Марьи Алексеевны, дам, на которых все равняются, — все получится. Не только дворянок, из верхов купеческого сословия тоже. Иначе заведение приобретет дурную репутацию и туда будут ходить только те, кому нечего терять.

Я поморщилась.

— Заведение, которое держит разведенная женщина. Да еще и муженек мой, чтоб ему икалось, мел языком, что помелом.

— Именно поэтому я и говорю о том, как важны будут первые посетительницы, Дарья Захаровна, — заметила княгиня. — Если к вам станут ездить дамы с безупречной репутацией, кому придет в голову сомневаться в благопристойности вашего заведения?

— Да уж найдутся желающие, — хмыкнула Глафира Андреевна. — Вопрос только в том, хватит ли у них смелости высказать свои сомнения Марье Алексеевне в л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.